

АЛЕКСАНДР КУЗИН:

Мы совпали в зеркале сюжета

Александр КУЗИН, более 10 лет возглавлявший Ярославский ТЮЗ, ставший в последние годы Островского, Чехова, Горького в Ярославском академическом театре имени Волкова, в театрах Самары и Петербурга, лауреат престижных национальных и международных премий, расширил географию творческих контактов. Пока ярославские актеры играли в США его спектакль по Островскому, корейские праздновали премьеру в Сеуле, в Национальном центре искусств Гьенгидо, где всего за пять недель Кузин поставил гоголевского "Ревизора".

— Александр Сергеевич, работа над спектаклем началась с бытового освоения страны. Насколько комфортно вы себя чувствовали в пространстве иной, столь не похожей на российскую культуру?

— Со страной я уже был знаком. В 2002 году привозил в Сеул спектакль Театра СамАрт "Чу-ха-ха", который представлял Россию на мировом форуме АССИТЭЖ. Но, конечно, так непосредственно близко разглядел Корею только теперь. И вновь почувствовал пережитое еще при первой встрече восхищение от страны, и от людей, и от Национального центра искусств Гьенгидо, в котором довелось работать. Там четыре сценические площадки: малая, драматическая, оперная и летний театр под открытым небом вроде древнегреческого. И все это техническое великолепие населено профессионалами высочайшего уровня.

— Наверное, ваше искреннее расположение к стране и ее людям отчасти снимало психологическое напряжение при работе с незнакомой труппой?

— Взаимная опаска поначалу все же была. Я впервые видел этих актеров, а они впервые работали с режиссером-иностранцем. Поможете особую эмоциональную ситуацию на языковой барьер... Впрочем, субъективные проблемы мы преодолели быстро, но остались творческие: корейские артисты не готовы к такому способу игры, какой принят у нас. О русском психологическом театре они знают только из курса лекций, но практически реализовать психологическую мотивировку — для них проблема. Изначально актеры расположены к такой работе, и корейский кинематограф тому подтверждение. Но на сцене они "показывают", иллюстрируют, сознание продолжает воспроизводить традицию восточного театра, где господствуют маски и амблуга. И все же в процессе наших репетиций они подошли к другому пониманию театра, хотя реализовать свою задачу смогли не все и не до конца. Но с актерами, игравшими Хлестакова и Горюхину, это произошло.

— Такая сложная метаморфоза —

и всего за пять репетиционных недель?

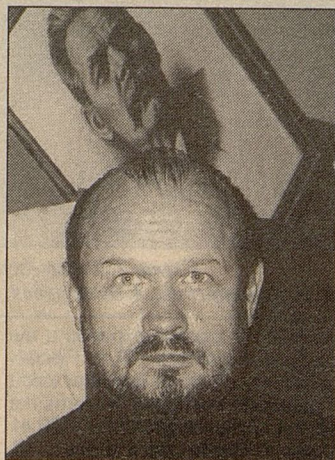
— Да. Пять недель, из которых одна — "за столом". Предварительного разбора пьесы в корейском театре никогда не было — тут для них и началась русская школа. На предложение поговорить они поначалу откликнулись очень сдержанно, осторожно, но когда вошли во вкус... Это была лавина интересных и спорных мнений — кое-что пошло в дело. Что же касается интенсивности репетиционного процесса — в таком темпоритме работает сейчас весь мир. Это русских актеров иногда приходится призывать к порядку, это у нас могут опоздать, устать, дать волю нервам. Корейцы готовы работать сутками, для них словно не существует болезней и личных обстоятельств. Никогда не признаются, что устали, всегда в форме. Думаю, тут не только преданность профессии и врожденное трудолюбие, это — экономический закон. Контракт, заключенный с государственным театром, обеспечивает актеру и его семье комфортную жизнь, но и отдача требует полной, абсолютной.

— Не разрушает ли жесткий режим существования в профессии необходимую творческую свободу? Мы привыкли, что слабости художника — естественная составляющая его профессиональной реализации.

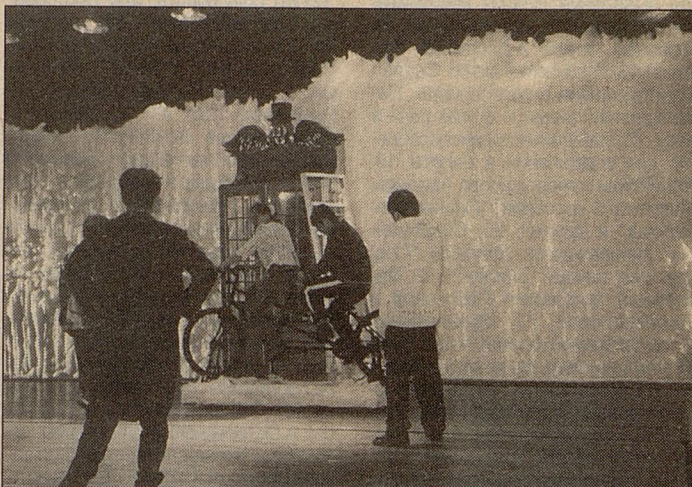
— Посвятительств на свободу здесь никаких. Ведь корейские актеры понимают ее в рамках своей национальной культуры. А вот блестящая физическая оснащенность корейцев — следствие жесткой дисциплины. Они впечатляюще пластичны: сальто, кульбиты, растяжки — вне зависимости от возраста; удивительно музыкальны. То, к чему призывают русские театральные корифеи и что до сих пор не стало в нужной мере достоянием отечественной практики, у корейцев есть. А это сейчас — общемировая тенденция.

— "Ревизор" — весьма выигрышный материал для создания эффектных мизансцен и демонстрации технических умений. Пьеса была выбрана труппой?

— Нет, пьесу выбирал генеральный директор театрального центра. И

А. Кузин

На репетиции "Ревизора"

принципиальную роль здесь сыграло прямое соотношение гоголевского сюжета с политической ситуацией в Корее: чиновники, взятки — это для них злободневно.

— Тогда, выходит, ваша постановка "Ревизора" — классический госзаказ?

— Пожалуй, это оптимальное сочетание художественной потребности и политической конъюнктуры. Вот интригующая подробность: поскольку наши репетиции шли на фоне парламентских выборов, в спектакле принял участие сам губернатор Сеула.

— В качестве почетного гостя?

— В качестве исполнителя роли трактирного слуги.

— Но это самая настоящая пиар-акция! Не превращается ли здесь театр драматический в театр политический?

— Нет, подмена исключена. Квалифицированный сеульский зритель никогда не перепутает художествен-

ную акцию с партсобранием. Губернатор, кстати, репетировал с рвением, достойным профессионального внимания. А насчет пиара — что ж, это нормальный альянс государства и культуры. В Корее экономические вложения в культуру огромны. Постановочные расходы "Ревизора" по местным меркам стандартные, мне казались неприличной роскошью — 250 000 долларов. И заметьте, оперируют чиновники от культуры не абстрактными понятиями "национальное достояние" и "вечные ценности", а конкретными представлениями о будущем своей молодежи. Они понимают прошлое не как музей пыльных древностей, оно должно быть живым.

— Но удалось ли артистам осмыслить гоголевский сюжет в об-

корациями за три дня до премьеры, с костюмами — и вовсе день в день. А тут они постепенно входили в экзотический для них мир гоголевских персонажей.

— Значит ли это, что русская драматургия в аутентичной постановке и русский психологический театр в целом будут и дальше востребованы в Корее?

— Да, это увлечение надолго. Корейцы сейчас активно приглашают русских режиссеров, причем оказывают выбор на мастерах, которых считают настоящими носителями русской театральной культуры. Они вкладывают средства в качественный товар, рассчитывая не на сиюминутную выгоду. Они понимают, что русские художники обладают той глубиной, тонкостью и цельностью в освоении человеческой природы, которая соответствует не только мировым стандартам художественного вкуса, но и национальным интересам корейцев.

— Александр Сергеевич, глядя из Кореи на Россию, каким можно увидеть современный театр в отношении своего зрителя: инструментом духовной власти или всего лишь способом коммуникации?

— Властителем дум театр перестал быть давно. Вина ли это публики, разучившейся самозабвенно и искренне окунаться в иллюзорный мир, беда ли творцов, не способных быть лидерами и учителями народа, в любом случае такова объективная реальность. Дело не в том, что "у них" государство планомерно финансирует высокопрофессиональное искусство, а "у нас" все зависит от цепкости протянутой руки. И не в том, что "у них" губернатор вдвумчиво и на равных с актерами репетирует маленькую роль и играет ее, желая предстать перед публикой в свете классики, а "у нас" чиновники перестали ходить в театр с тех пор, как их лишили функций цензуры. Сегодняшний театр в нормальном мире — общение равных собеседников. Это диалог сцены и зала, режиссера и актеров. Важно, чтобы он был неформальный. Именно общение, а не попеременно произносимые монологи. В мире, и Корея мне это подтвердила, важно, чтобы для каждого профессионала окончание одной работы было предощущением начала другой, чтобы хотелось продолжения и оно было возможно.

Беседу вела
Наталья ДИДКОВСКАЯ